

— В связи с грядущими выборами — кого Вы видите на посту президента?

— Если бы была моя воля — есть один человек, к которому я отношусь с глубокой симпатией, — Немцов, он мог бы стать нашим российским Кеннеди. Молодой, динамичный, решительный, обладающий новым видением, пользующийся авторитетом и так далее. А все остальные, к сожалению, это люди прошлого, люди уходящие.

— Хочу сказать, что реформы у нас в значительной степени исчерпали себя. Но реализовался не либеральный замысел Гайдара, Явлинского и других — восторжествовал номенклатурный государственный капитализм. В центре господствует финансовая олигархия, и на местах побеждает номенклатурная, связанная с прошлым, элита.

Либеральные реформы в нашем отечестве не состоялись. Для этого должны вырасти новые силы. Старые — не способны. И когда поднимают тост «За будущее наших детей!» — я не могу разделить этого оптимизма. «За наших внуков», — это вернее. Они, может быть, смогут вырваться из плена.

ПОКАЯНИЯ НЕ ПРОИЗОШЛО*

Получить аттестат зрелости он не успел — из десятого класса призвали в армию. Уже почти год шла Великая Отечественная война. Сергей Алексеев рвался на фронт, но для него — сына врага народа (отца, работника статистического управления Уральской железной дороги, взяли в 37-м), попасть в действующую армию было непросто. И когда это удалось, был счастлив.

Так городской мальчик, любитель литературы, попал в кровь, грязь и холод ленинградских болот. Инженерно-саперные войска. Волховский, Ленинградский, Карельский, Заполярный фронты. «Это был ад, преисподняя». Голод, мерзлая картошка, статьи Эренбурга в газетах, которые он читал солдатам прежде, чем пустить эти газеты на самокрутки...

После войны старший сержант вернулся в свою школу № 2, получил по текущим оценкам аттестат и стал учиться дальше. Вырос до профессора, доктора юридических наук, члена-корреспондента РАН, известного политического деятеля, в течение двух лет состоявшего членом Президентского совета. Его имя многим хорошо известно: Сергей Сергеевич Алексеев.

— Сергей Сергеевич, мы с Вами беседуем накануне 22 июня. Что для Вас, участника войны, значит эта дата сегодня?

— В нашей стране стало традицией отмечать другую дату — 9 мая, день Победы. Именно этот день превратился в любимый, поистине все-

* Интервью с С.С. Алексеевым опубликовано в газете «Наш дом — наш город» (1998. № 12).

народный праздник. Психологически это вполне понятно и легко объяснимо: человеку свойственно стремиться к светлому и радостному. Хуже другое: в блеске праздника стала не то чтобы забываться, но как-то уходить в тень другая дата — 22 июня.

Однако для народа важен не только день торжества и радости, в честь которого уже возрождаются и парады, и трибуны с ликующими руководителями, и маршем проходящие войска — явление, с моей точки зрения, неоднозначное... Для страны, для нашего общего будущего такие даты, как 22 июня, не менее важны и значительны.

Эта дата должна наводить на размышления точно так же, как и другая веха отечественной истории — 7 ноября. Ибо понимание того, что произошло в нашем обществе, должно быть точкой отсчета для понимания того, чего, к сожалению, не произошло.

Не произошло у нас покаяния.

Мы должны внутренне очиститься, в каждом должен произойти внутренний переворот, без которого все слова о демократии и реформаторстве остаются мертвым грузом. Необходимо осознать, что мы все причастны к тому, что тогда произошло. Все, даже люди, которые не жили при Сталине, но находятся во власти традиций, привычек, инерции...

День 22 июня — это повод для осознания меры ответственности за все, что мы натворили.

— **Мы натворили?! Но ведь мы же не нападали на Германию! Это фашисты натворили. И то, что сегодня в нашей стране они существуют свободно, легально и открыто, действительно ужасно...**

— Германия, родина фашизма, уже совершила покаяние. Германия выплачивает компенсации узникам фашизма, проживающим в разных странах — это покаяние за жертвы, которые принес нацизм.

В Германии мне делали операцию на сердце... И в поведении врачей, медицинский персонал я чувствовал крохотный, почти неуловимый элемент вины передо мной, русским, за то, что их соотечественники когда-то топтали сапогом мою землю. Мы все еще продолжаем кивать в сторону немецкой земли, но не говорим о возможности возрождения большевизма. О том, что последователи этой, не менее тоталитарной идеологии, занимают высокие посты в научных, управленческих, других сферах деятельности Российского государства. Практика внешне облагороженного, осовремененного большевизма — это не менее опасно.

— **Как вы относитесь к утверждению писателя Виктора Суворова о том, что если бы вторую мировую войну не развязал Гитлер, то ее бы развязал Сталин? Вот уже несколько лет, с тех пор как вышли его книги, об этом идут споры...**

— К сожалению, мы забываем, какой была война, начавшаяся 22 июня 1941 года. Это было нечеловеческое безумие правителей и промышленников-авантюристов и неизмеримая трагедия десятков народов. Ведь в первые месяцы войны, когда в плен попало несколько миллионов советских солдат, мы, по существу, потерпели поражение в борьбе с гитлеровской военной машиной. И только запредельными усилиями всего народа была достигнута победа. Я воевал на Волховском фронте и знаю, что творилось в Ленинграде, где доходило до людоедства.

Победа, достигнутая такой немыслимой ценой, позднее была использована для возвеличивания строя, который сам мечтал о мировом влиянии.

Первый урок войны состоит в том, что наша Родина выстояла и победила не благодаря своим предводителям, а в какой-то степени вопреки их мышлению. И неважно, кто быстрее отправил в путь вооруженные колонны — Сталин или Гитлер, все эти изыскания современных философов — всего лишь отзвуки идеологической войны. Кто виноват конкретно — не столь уж существенно. Две ортодоксальных идеологии, две тирании не могли не столкнуться, потому что и в нацистской, и в марксистской идеологиях заложены зерна войны. «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем...» — эти стихи — не только метафора. Мировая революция и освободительные войны — стратегия и тактика марксизма-ленинизма.

— Ваш выход из Президентского совета — поступок, который в свое время привлек внимание политиков и общественности, — результат именно такого миропонимания?

— В значительной мере — да. Я, как говорится, не мог поступить иначе. Ибо война в Чечне — рецидив коммунистической идеологии. Рецидив, обернувшийся насилием над людьми, войной, которая принесла тысячные жертвы. А поскольку всякая война и связанная с ней политика — это ни что иное, как человеческое безумие, то протест, особенно человека, испытавшего на себе ужасы войны, — дело совести и чести.

— Вы участвовали в разработке Конституции России. Отражены ли в этом документе идеи, препятствующие развитию тоталитарной идеологии?

— В первых вариантах действительно содержались положения о том, что наша страна становится на путь мира и отказывается от использования вооруженных сил в решении международных, межрегиональных конфликтов. Но все это впоследствии исчезло, о чем я глубоко сожалею. Работая над Конституцией, я знакомился с аналогичными документами разных стран и честно скажу, во многом опирался на конституцию Японии. Это единственная страна, в основном законе которой наиболее четко зафиксирована антивоенная идеология. Япония ее выстрадала, пройдя через ядерный кошмар.

Итак, неприятие идеологии войны — это первое.

Второе. В годы Великой Отечественной у нас погибло 27 миллионов человек — за это нужно нести ответственность перед своим народом. Эта ответственность должна выражаться не только в закреплении Конституцией положения о неразвязывании войны при решении внешних и внутренних конфликтов. Это и решение политических, идеологических вопросов. Когда есть политические прерогативы, допускающие возможность войны, люди, закрепляющие за собой право на силовые решения, должны признаваться ответственными перед Отечеством.

И, наконец, третье. Проблемы сохранения мира мы не решим до тех пор, пока в нашем обществе не восторжествует верховенство Права. Это единственная сила, способная противостоять произволу.

— Сергей Сергеевич, а какой урок из этого «нечеловеческого безумия» вынесли лично Вы?

— Урок, прежде всего, нравственный. Всегда надо пройти через испытания, чтобы выстрадать большие истины. Я осознал ценность жизни, солнца, свежего воздуха... Понял — ничто в жизни не заменит личного примера. На фронте получить звание старшего сержанта, стать помкомвзвода можно было только благодаря личному примеру. Под моим командованием оказались сибиряки: им — за сорок, мне — девятнадцать. С моей точки зрения — старики — старики, такими не покомандуешь. Вот и пришлось учиться руководить, не руководя. Если дом заминирован, значит, ты должен войти в этот дом первым. Если бомбежка — забивать сваи, а не бежать в укрытие. И так — всю жизнь...

Исход войны решался не наверху и не теми, кто разъезжал по фронту в автомобилях и получал спецпайки. Его решала та огромная серая масса, без которой не было бы Победы. И я счастлив, что был в этой серой массе. А осознание тех трагических противоречий, которые заключены в столкновении двух жесточайших диктатур, пришло много позже...

Беседовала В. Финнова

СОАВТОР КОНСТИТУЦИИ*

Член-корреспондент РАН Сергей Алексеев памятен общественности прежде всего как председатель Комитета конституционного надзора СССР. Он один из авторов ныне действующей Конституции Российской Федерации. Теперь вновь живет и работает в Екатеринбурге.

— Сергей Сергеевич, первый вопрос как раз по поводу Конституции. Чуть ли не все в один голос утверждают, что именно Конституция даровала нашему президенту неограниченную власть...

— Это ее так трактуют, а на самом деле ничего похожего в ней нет. Напротив, статья 80 определяет функции главы государства как гаранта демократических ценностей. Нигде не записано, что он управляет страной. Нигде не сказано, что он имеет право напрямую руководить всеми силовыми ведомствами или может давать указания правительству. А многие действительно истолковывают текст иначе, в том числе и сам президент.

— Значит, какие-то зацепки для этого все-таки были?

— Да, маленькие были, что неизбежно, ведь в подготовке текста, напомним, участвовало несколько команд с разными взглядами и концепциями, а последний вариант Конституции «подрабатывался» сугубо на аппаратном уровне... Но все равно утверждать, как это с аплом-

* Из интервью с С.С. Алексеевым, опубликованным: Лит. газ. 1999. 19 мая.